

«Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!»

Желание «куда-нибудь пойти», с таким надрывом выраженное у Достоевского незабываемым Мармеладовым, как мне кажется, очень свойственно русскому человеку. Особенно в эмиграции, когда он чувствует свою некоторую потеряность, отрыв от почвы, от корней. Так куда же пойти, чтобы услышать родное слово, встретить, быть может, близких людей, перемолвиться, отдохнуть душой? Россия — за кордонами. Но есть, живет еще в Вильнюсе Русский театр.

В трудную минуту идешь туда, не глядя на офису. Так и в этот вечер я пришел, не выбирая спектакля. А попал на «Игрока», инсценировку по Достоевскому, поставленную режиссером из Петербурга Андреем Максимовым. На сцене металась в томлении по недостижимому русские люди, оказавшиеся на чужбине, не принимавшие правил окружающей жизни. Крутилась рулетка. Разрывались сердца. И не было сил вырваться из круга, вернуться домой. Или из было дома!

— Вы не случайно поставили на «Игрока»? — спросил я потом главного режиссера театра Вячеслава КОКОРИНА. Он в Вильнюсе человек чрезвычайно новый — приехал в прошлом году из Омска.

— Я почувствовал, что зритель нуждается в таком русском по сути, углубленно духовном спектакле, в котором бы зазвучала вечная тема любви, одиозности, разлада с обществом и с самим собой. По-

Зачем он нужен в Вильнюсе, русский театр? МОНОЛОГ РЕЖИССЕРА

литизированные вещи выходят из моды — на наших глазах на гигантской сцене страны разворачиваются такие драмы, перед которыми театр бледнеет. Надо возвращаться к первоисточкам искусства, к камерности, к интимности, к душе человеческой. Мне кажется, мы угадали эту потребность: первые вечера «Игрока» прошли при полном зале.

Я прекрасно представляю, что зритель здесь особый, во многом не тот, что в России. Его отличает некоторая эмоциональная замкнутость, определенное недоверие, что ли, к новациям, к интеллектуальной драматургии. Большинство настроены на отдых, на развлечения, просто домашний экран. Но в таких условиях серьезную конкуренцию составляют кино, различные зрелища, просто домашний экран. Но естественно ощущается и сильная потребность уставших от разобщенности людей в общении — в непосредственном контакте с актерами на сцене, в сопереживании, в контакте между собой в атмосфере театра, общения к искусству. Мне представляется, что русский театр в Вильнюсе сейчас, в новых реалиях отдаленности от России, нужен еще более, чем прежде. Он должен, просто обязан сохраниться как очаг — быть может, главный очаг — культуры здешних русских как национального меньшинства. К счастью, это осознается и властями Литовской Республики, Наш

театр не ощущает на себе никакой дискриминации, наравне с национальными театрами получает дотации от государства. Нет вмешательства и в репертуарную политику.

Но тревога за будущее театра не проходит. Отношение к нему может измениться, если отвернется на продолжительное время зритель, станет пустовать зал. Общественная апатия, упадок интереса к искусству — явление общее, характерное как для Москвы, так и для Вильнюса. Но положение русского театра в инациональном го-

сударстве особенно уязвимо. Надо, видимо, привыкать к тому, что мы становимся театром в эмиграции. Что это значит? Из-за цен на проездные билеты и гостиницы (а с приезжих «из-за границы» двойную цену дерут!) практически стали недоступными гастроли в другие государства бывшего Союза. Не преодолимые препятствия возникнут перед режиссерами или актерами, которые захотят поработать в нашем театре, из-за невозможности получить пропуск, поменять жилье. Я сам до сих пор нахожусь здесь

«на птичьих правах» — без прописки, гражданства, в ведомственной квартире. Значит, придется, что называется, вариться в собственном соку, обходиться без прилива «свежей крови». Начнется неизбежное старение труппы. Да и боюсь, многие из актеров — конечно, самые сильные — могут поддаться соблазну «реэмиграции» в Россию.

Вообще-то у нас подрастает своя смена — на актерском факультете Литовской консерватории в прошлом году организован русский курс при добром участии известного театрального педагога Даля Тамулявичюте.

Мой друг режиссер Юрий Попов одержим сейчас идеей создания русского детского театра. «Если уж не сотворю талантливых актеров, так хотя бы воспитаю способных будущих зрителей», — говорит он. Мы хотели объединить усилия, создать настоящий русский детский театр в Вильнюсе, но не хватает средств, нет помещения, не имеет настоящей поддержки.

Через трудную полосу проходят все театры — в Литве, в России. Но я вижу, с каким упорством трудятся и отстаивают себя, свое место под солнцем литовские режиссеры И. Вайткус, Э. Некрошюс, Д. Банионис и другие. Они верят в будущее литовского театра, всей своей национальной культуры. Их энергия подзаряжает и нас. Русский театр в Литве делает художественную жизнь в стране богаче, многоцветнее. Он может и должен стать духовным мостом между Литвой и Россией.

Геннадий
ЛИТВИНЦЕВ,
соб. корр. «Жизни».
Фото Сигмаса
Платукиса.

Сцена из спектакля «Игрок». Э. Микүльский.

Алексей Иванович — арт.

Искр. 1994. авг. с. 102